

A man with dark hair and sunglasses, wearing a blue suit, stands next to a woman with long dark hair and blue eyes, wearing a shimmering pink top. They are both looking off to the side with serious expressions.

Лана
Полякова

РАЗВОД
УХОДИ НАВСЕГДА

Лана Полякова

Развод. Уходи навсегда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70231099

SelfPub; 2024

Аннотация

Развод разделил мою жизнь. Навсегда похоронив под обломками моей семейной жизни лучшую, светлую часть меня. Но, возможно, не все еще закончилось, и я смогу возродить свои мечты?

Содержание

Пролог	4
Первая глава	8
Вторая глава	13
Третья глава	18
Четвертая глава	23
Пятая глава	28
Шестая глава	33
Седьмая глава	39
Восьмая глава	44
Девятая глава	49
Десятая глава	54
Одиннадцатая глава	60
Двенадцатая глава	65
Тринадцатая глава	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Лана Полякова

Развод. Уходи навсегда

Пролог

Старая любовь не ржавеет, я теперь это точно знаю!

И пусть он говорил, что между ними всё кончено, это неважно. Столько лет вместе не проходят бесследно.

И неважно, что у нас общий ребёнок. Что им мой сын, если она поманила прощением. Если она вновь любовница.

Любовница моего мужа...

Скоро Новый год. Для всех праздник, а для меня тяжёлые трудовые будни.

Сегодня был единственный выходной перед чередой рабочих смен. Единственный день, когда я могла заняться приготовлением праздника для семьи и провести больше времени с моим третьеклассником.

На днях наступят каникулы. Традиционное время для бабушек и дедушек, когда я отвожу своего ребёнка в гости к ним практически на всё рождественское веселье.

Почти закончила украшать нашу квартиру. Развесила

гирлянды по всем трём комнатам, установила только что купленную пахучую сосенку в освобождённом углу гостиной. Опрыскала её водичкой. Пусть оттаёт хорошенько и расправит все свои иголки. Заполнит одуряющим свежим запахом всю квартиру.

Звонок телефона раздался, как всегда, неожиданно. Напугал меня. Я чуть не уронила коробку с ёлочными игрушками, которую в этот момент доставала с антресолей.

И как-то тревожно стало на душе.

Звонила соседка по квартире, которую мы не так давно купили недалеко от работы мужа. Да и от моей работы рядом. Будет удобно.

Я предвкушала переезд.

Мне безумно нравилась наше новое приобретение.

Добротный четырнадцатизэтажный кирпичный «брежневский» дом с историей. Шурик в известном кино строил свою машину времени именно в этом доме. Очень светлая и тёплая квартира с большой лоджией и панорамными окнами во всю стену. В торце дома, через переулочек, храм Николы в кузнецях, что будет будить нас по утрам звоном колоколов вместо будильника.

Срывающимся голосом соседка предупредила, что у неё прорвалась батарея и, похоже, у нас потоп. И что она, конечно, постарается быстро добраться из Алтуфьево, но...

Супер. Единственный выходной – насмарку!

Муж не отзывался на звонки. Возможно, он на совеща-

нии и не может сейчас подойти к телефону. Почти за десять лет нашей супружеской жизни у нас выработано правило: не звонить в рабочее время по личным вопросам. Муж старше меня на двенадцать лет и любит командовать. Привык к руководству. Но сейчас аварийная ситуация и я рискнула отвлечь Владислава от работы.

Бесполезно. Нужно решать проблему самой.

В течение получаса я долетела, нарушая скоростной режим, до аварийного жилья с ужасом представляя, что могло случиться за это время. Это хорошо, что мы ремонт планировали после Нового года. Хотели вначале отметить наши дни рождения, а затем уже плотно заняться квартирой.

Возможно, теперь придётся менять наши планы.

Первое, что я увидела, открыв двери, это плывущий по коридору придверный коврик. Застонала, понимая, что прекрасный сохранившийся во всех комнатах изначальный светлый паркет на полу придёт в совершенную негодность после такой катастрофы.

И прежде чем кинуться убирать эту всю воду, я убедилась, что управляющая компания уже перекрыла, пока я добиралась, стояк отопления, и мне не грозит ожог от кипятка.

Вздыхнула и спустилась на этаж ниже, чтобы поставить в известность соседей под нами.

Открыла мне внезапно фривольно одетая Ирина Андреевна, секретарша и бывшая любовь моего мужа. И, чуть смутившись, хотела сразу же захлопнуть дверь.

Но, поскольку я, ещё не видя хозяйки квартиры, сделала шаг вперёд, мы с ней оказались лицом к лицу в ситуации, когда придётся объясниться.

Я застыла соляным столбом и пыталась сделать вдох. Воздух стал плотным и никак не хотел проникать в лёгкие сквозь сжатое спазмом беззвучного отчаянного крика горло.

А сознание упрямо искало случайности в таком соседстве. Но сердце уже точно понимало, что все мои подозрения последнего времени верны.

Пока мы так и стояли с открытой дверью друг перед другом, и я с ужасом наблюдала, как на лице этой ухоженной сорокалетней женщины расцветает злорадная ухмылка, из душа вышел мой муж в халате и, вытирая голову полотенцем, спросил нежным и бархатным голосом:

– Любимая, что случилось?

И тут он увидел меня.

Первая глава

Впервые я заподозрила мужа в неверности, когда он устроил мне скандал за то, что я встретила его в аэропорту из командировки.

Это было... странно.

Дело в том, что до этого я постоянно его встречала, и это было одним из «наших» правил. Нашей фишечкой в отношениях.

Откуда бы ты ни возвращался, откуда бы не прилетал или не приезжал, как долго тебя не было рядом, но приезжаешь ты всегда ко мне. Что бы ни случилось, возвращаешься в родные объятия.

Это было как ритуал.

А здесь, сейчас...

Причём командировка была вполне рядовая, на пару дней в Западную Сибирь. И там мужа навряд ли поджидали неприятности. Поэтому списывать его раздражение на то, что в Новом Уренгое что-то случилось по работе, конечно же, хотелось, но...

Нет.

Дело именно в том, что я приехала во Внуково сегодня. За ним.

Тем более, было обидно, что для того, чтобы встретить

Владислава, я поменялась сменами с девчонками, а это для меня не очень удобно.

Я работаю провизором в аптеке по сменам. Два дня через два по двенадцать часов с восьми утра до восьми вечера. И, честно сказать, отрабатывать третью смену подряд ради замены мне сложно. Ноги к концу дня словно бы чужие, а уж на третий день и подавно.

А ещё была странность в том, что муж летал вместе со своей помощницей, хотя раньше внутренние незначительные поездки он проводил один. А в зарубежные они летают всегда целой делегацией, с юристами, помощниками, специалистами, начальниками отделов.

А сейчас он был с Ириной Андреевной.

Очень ухоженной сорокалетней чуть рыжеватой шатенкой. Это ведьма всегда прекрасно выглядит, держится с прямой спиной, высоко и уверенно поднятой головой, сдержанно чуть улыбается и смотрит на меня немного свысока. Так и слышится из её красиво очерченного рта: «Деточка».

Впрочем, Ирина Андреевна такого никогда себе не позволяет, но где-то в глубине её холодных, почти прозрачных голубых глаз... Я всегда вижу превосходство.

Пикантности ситуации придаёт ещё тот факт, что между моим мужем и прекрасной Ириной Андреевной когда-то был продолжительный роман.

Ещё до нашего с ним знакомства, четыре с лишком года они были вместе. Их роман протекал весьма бурно. Пара схо-

дилась и расходилась по несколько раз за неделю, причём с обязательными эмоциональными выяснениями и страстными примирениями в конце. Отголоски этих выяснений были тенью в отношениях между свекровью и мужем даже при моём появлении. И, в конце концов, Владиславу надоели эти качели, и он оставил Ирину в прошлом.

Тем более что она недолго страдала и нашла себе ухажёра помоложе, даже вышла за него замуж впоследствии.

Об этом муж рассказал мне в самом начале наших отношений, спустя почти год после расставания с Ириной, объясняя, почему он пристроил бывшую любовницу в свой секретариат.

Ведь Ирина Андреевна – это пресловутая дочь маминой подруги и хорошая девочка. Не мог же он выгнать её на улицу?

До сегодняшнего момента мне было глубоко плевать, как и чем живёт эта «дочь маминой подруги и хорошая девочка». Главное, что она не лезет в нашу жизнь.

Не лезла.

Но тем не менее отчитывать меня словно школьницу перед ней я мужу не позволю.

– Скажи, а то, что ты наорал на меня в аэропорту связано с присутствием в этой же командировке твоей бывшей любовницы? – спросила я, выруливая со стоянки перед аэропортом на трассу.

– Прости, я сорвался. Были сложные переговоры. – пови-

нился Владислав.

– В Новом Уренгое на вашем дочернем предприятии возникли такие сложности, что ты вышел из себя? – удивилась я.

– Я просто устал. Плохо спал. Мне всё-таки скоро сорок пять, а не двадцать. Силы уже не те, – ответил он.

Я посмотрела мужу в лицо, замечая залёгшие под глазами тёмные тени и сероватый цвет лица.

Устал.

Что это он плохо спал? Чем занимался ночью? Отчего он так устал?

Ревность впервые укусила меня за сердце.

Больно.

– Мне совсем не понравилось, что ты позволил себе повысить на меня голос и накинулся отчитывать публично. На глазах не только незнакомых людей, но и под понимающим взглядом твоей бывшей пассии, которую ты зачем-то таскаешь с собой по рядовым командировкам. – постаралась спокойно сказать я, сдерживая себя.

Владислав поджал упрямо губы и нахмурился. Уже хотел мне возразить, как я продолжила.

– Я не собираюсь терпеть несправедливые упрёки с твоей стороны. И срывать на себе недовольство я не позволю. Это недостойное поведение. Если ты не хочешь, чтобы я тебя встречала, то просто скажи, и я не буду. А орать на весь аэропорт – это за гранью. – опередила я его и продолжила. –

Мне не нравится, что ты ездил с Ириной Андреевной. Я ревную.

— Ты ревнуешь меня? — удивился муж.

— Конечно! Я ведь живой человек. — я пожала плечами и улыбнулась мужу, взглянув в его глаза и надеясь поймать ответную улыбку.

Мы стояли на стрелке светофора на перекрёстке Ленинского и Университетского проспекта и ждали левого поворота. Ещё немного проехать, и на углу с Мосфильмовской в глубине крошечного сквера будет наш дом.

Раньше, когда я везла мужа домой из аэропорта, то примерно на этом месте, либо чуть дальше по проспекту, мы начинали целоваться.

Но не сегодня.

Под мерный звук сигнала поворотника я отчётливо поняла, что наступает новый этап наших отношений.

Неотвратимо.

Как предстоящая зима.

Клац — клац — клац.

Вторая глава

– Мам! Я не хочу есть кашу! – заканючил Данилка, размазывая овсянку по тарелке так, чтобы растопившееся масло в середине из лужицы растеклось по спиральным бороздкам.

– А если с вареньем? – я подняла правую бровь и посмотрела с хитрым прищуром на сына через плечо на секундочку, отвлекаясь от кофе, что томился на огне.

– С вишнёвым? – протянул Данилка.

– С абрикосовым! Из тех абрикосов, что ты помогал собирать бабушке летом, – усмехнулась я, ловя поднимающийся кофе и переливая его в чашку для мужа.

– Ты привезла именно мои баночки? – заинтересовался сын, отвлекаясь от прокладывания масляных рек по овсянке.

– Конечно! – сказала я и достала пузатенькую баночку с криво приклеенной наклейкой, на которой Данилкиной рукой была написана фломастером съезжающая к хвосту оранжевая надпись.

Посмотрела на мужа и, поймав его взгляд, протянула банку, чтобы он её открыл. Владислав чуть заметно скривился и провернул с щелчком крышку.

Поставил банку на стол, затем вновь уткнулся в телефон, попивая свой кофе и ковыряясь в омлете.

Настроение моего мужа в последнее время было перемен-

чивым. Он то искрился удовольствием, то улыбался, а то был мрачен и угрюм.

Я никак не могла угадать его реакцию в следующее мгновение.

– Мам, тренер просил тебя подойти, – проговорил сын с полным ртом.

– Не болтай за столом, тем более, пока не прожевал! – стукнув о стол чашкой, резко сказал муж и встал, отодвигая с грохотом стул и выходя из кухни.

Я проводила его удивлённым взглядом. Раздражение расходилось от Владислава волнами словно цунами. Только успевай уворачиваться.

– Какой? Шахматы или плавание? – спросила я затихшего Данилку чуть позднее, когда он доел кашу.

– Шахматы. Там турнир намечается, и я думаю, что меня пригласят, – пробурчал он, беря из моих рук чашку с чаем.

– Ты бы хотел принять участие? – улыбнулась я.

– Да! И мам, сыграем сегодня вечером? А, нет... Сегодня ты не сможешь, ты идёшь на родительское собрание, – загоревшись идеей, скис к концу фразы Данил, но, подняв взгляд, продолжил с надеждой. – Тогда завтра?

– Завтра сыграем! И я не дам тебе шансов на ничью! – засмеялась, взъерошив его кудряшки.

Данила родился кудрявым. В моего отца. Он и похож был на него. Такой же длинноногий и подвижный.

Когда был маленький, перед его убойным очарованием

устоять не было никакой возможности. Даже ледяная королева – моя свекровь Ираида Александровна, и та пала жертвой этого напоминающего жеребёнка улыбчивого сорванца. Голенастый и порывистый, он никого не оставляет равнодушным. Жаль, кудряшки коротко подстригаем теперь. Но иначе сложно приходится в бассейне.

И тяга к шахматам у нас семейная. Тоже наследие моего папы. В своё время у меня был второй взрослый разряд в институте. Но потом я забросила турниры и, естественно, потеряла в рейтинге и не подтверждала квалификацию. Осталась просто любовь к игре.

Данилка ходит в секцию с дошкольных времён, и я этим очень довольна. Развить логику и умение анализировать любую ситуацию шахматы помогают, как ничто другое.

Отправив сына собираться в школу и затолкав посуду в посудомойку, я решительно направилась на поиски мужа.

Что это за демарши по утрам?

Столкнулась я с уже практически одетым мужем в гардеробной. Он стоял перед зеркалом и пытался завязать галстук. Новый, кстати. Да и сорочка на нём тоже незнакомая.

– Позволь? – подошла я ближе и прикоснулась к его руке.

Он вздрогнул и первым порывом хотел оттолкнуть руку, но затем исправился и, подхватив за запястье, поцеловал пальцы моей руки.

– Помоги, пожалуйста. – попросил он, развернувшись ко мне лицом.

– У тебя новый галстук. Красивый. Очень подходит к твоим глазам и в оттенок пиджака попадает. Ты купил в Новом Уренгое? – спросила я, старательно завязывая узел на шёлке, и заметила, поднимая взгляд к глазам мужа, – дорогой, похоже.

– Я что, не могу позволить себе купить ерунду без твоего позволения? – взъярился ни с того ни с сего Владислав.

– Разве я дала тебе повод так думать? Разве я контролирую твои расходы? Просто раньше ты никогда не покупал себе вещи без меня. – отошла от мужа на шаг и сложила руки на груди в защитном жесте.

– Откуда ты знаешь, как я жил раньше! – прошипел муж.

– Действительно, – усмехнулась я и, развернувшись, вышла из гардеробной.

Мы с Данилкой стояли в коридоре, одеваясь, и я поправляла ему куртку перед выходом, когда к нам вылетел полностью одетый Владислав.

– Удачного дня! – внезапно просиял мой муж белозубой улыбкой, потрепал Данила по вихрам и чмокнул меня в щеку.

Он вышел бодрым шагом, напевая какой-то мотивчик и оставив меня в ступоре.

Что это было?

Что за раздрай происходит с моим мужем?

И как жаль, что я не поговорила с ним этим утром. Но утро бежит своим чередом, и нам уже нужно поторопиться.

Школа, которую посещает мой сын, находится недалеко от нашего дома. Данил вполне может ходить в неё и один. Но когда у меня есть возможность, я стараюсь провожать его. Мне кажется, что такая забота нелишняя для моего сына.

Он очень чутко реагирует на эмоциональное напряжение, если оно возникает в семье. И сопровождая, я стараюсь вселить в него уверенность, что всё будет хорошо, и его никто и никогда не бросит.

Проводив Данилку в школу, я побежала по накопившимся делам и к концу дня так убежалась и устала, что на школьном собрании уже плохо понимала, зачем нас согнали и что, собственно, от меня хотят. Полтора часа бесполезно убитого времени на то, чтобы сдать, в конце концов, деньги на что-то очень нужное?

А когда приползла домой, меня ждал нарядный муж с накрытым к романтическому ужину столом, с цветами и с объёмным свёртком.

Подарком.

Третья глава

Сил на какие бы то ни было романтические движения не было совсем. Но не обижать же мужа, тем более он так напрягался, готовился. Да и нам действительно стоило бы откровенно поговорить.

Я старательно улыбнулась Владиславу и, попросив минуточку, зашла в ванную, чтобы освежить лицо холодной водой, пытаясь снять усталость. В зеркале над раковиной в безжалостном холодном свете лампы отразились мои усталые глаза.

Вдохнула, выдохнула, собралась и вошла в комнату, погруженную в полумрак.

На столе были красиво расставлены свечи, хрустальные бокалы, шампанское в ведёрке, тонкая ваза с розой и суши.

Муж заказал из ресторана.

Всё прекрасно, но...

Розы я не то, что не люблю, я к ним, срезанным, отношусь... специфически.

Воспоминания они мне навевают... плотоядные... Об оставленном розарии в доме мамы и о десятках, если не сотнях укореняющихся черенков...

Суши я не ем. Мне неприятно есть не прошедшую тепловую обработку рыбу, приготовленную чужими руками. Я

выросла у моря, и о рыбе знаю много всякого.

И шампанское я не люблю. Мне не нравятся пузырьки. Для меня они придают напитку слишком резкий оттенок.

Могу выпить пару глотков. Но мне невкусно. Я люблю белое сухое вино. Или полусладкое, в исключительных случаях.

А тут просто бинго. Специальный набор «всё не так».

Владислав очаровательно улыбнулся, сверкнув зубами, и развернул единым движением свёрток, до моего прихода скромно лежащий рядом с ним на кресле.

В нём оказалось упаковано длинное норковое пальто. Шикарное. С чуть рыжеватым мехом. Красиво. Дорого. Безумно дорого.

И абсолютно не в моём стиле.

Ну вот сто процентов мимо.

Я выросла на берегу тёплого Чёрного моря. В Анапе. Там зимы совсем другие. Морозы редко опускаются до минус десяти, но при сильной влажности и очень сильном ветре зимой совсем некомфортно. А главное, в мехах совершенно невозможно находиться зимой. От влаги шуба дико тяжелеет и портится. А от пронизывающего ветра, зачастую с дождём, что дует, кажется, со всех сторон со скоростью почти сто километров в час, шуба не сильно спасает.

Но и в Москве зима в последнее время – это, скорее, снег с дождём или хороший мороз, чем сухое и прохладное время для облегчённого норкового пальто.

Поэтому я не очень понимаю, зачем мне такой подарок?
Тем более, что я за рулём почти круглосуточно.

И у меня вполне достойный прошлогодний монклёр, который мы покупали вместе с Владиславом. Ещё дурачились в магазине.

А на выход, если вдруг нужно, есть кашемировое светлое пальто прекрасного качества, которое мне очень идёт.

А тут... абсолютно не моя, но дорогая и претенциозная покупка.

Меня немного напрягло, что всё это сегодняшнее представление – оно будто не для меня. Я в нём лишняя. Мне отведена определённая роль, которая совсем мне не подходит. И муж об этом прекрасно знает, но продолжает этот спектакль, наслаждаясь моей неловкостью.

Я бы больше радовалась, если бы мы просто поужинали семьёй с Данилкой, который, кстати, не спит в своей комнате, судя по свету, что пробивается в щели закрытой двери, когда я проходила мимо.

За десять лет совместной жизни муж точно выучил и мой стиль и мой вкус. И не раз это демонстрировал. Он до недавнего времени попадал сто процентов с подарками в мои желания. А теперь?

Так что он хочет сказать этим ужином?

Значит, он хочет, чтобы я изменилась?

Я, как могла, постаралась изобразить радость. Но если не умеешь особо притворяться, то лучше и не начинать.

Владислав тем временем накинул мне на плечи мех и повернул к зеркалу. Пальто доходило почти до пола, и к нему нужны хорошие каблуки, которые я тоже почти не ношу. Во-первых, мне неудобно, а во-вторых, неловко, если я рядом с мужем.

Владислав среднего роста. Метр семьдесят восемь. На каблуках я с ним могу практически сравняться, а муж относится к этому немного болезненно.

– Ну как? – помедлив, спросил он с затаённой гордостью, глядя на меня через зеркальное отражение.

– Очень красиво. Спасибо, – ответила я и не удержалась – это ведь безумно дорого! Зачем?

– Я что, не могу жене сделать дорогой подарок? – зазвенел голосом муж.

– Конечно, можешь. Просто мне непривычно. – ответила я, стараясь смягчить его намечающееся раздражение.

Повернулась и потянулась за поцелуем.

Но Владислав не заметил моего движения и, взмахнув в сторону стола, предложил:

– Шампанского?

Странности этого вечера только набирали обороты.

Я была в кресле, куда усадил меня мой муж с бокалом шампанского в руке. Он расположился напротив меня на диване. Вроде и рядом, но так, чтобы не соприкасаться коленями.

И на любые мои попытки начать говорить о нас, о том, что

происходит между нами, муж виртуозно отвечал нейтральными фразами. И уходил в рассуждения о погоде, о политике... Обо всём, кроме важного.

Только не о нас.

На мой прямой вопрос «Что происходит?», он ответил:

– Разве тебе не нравится вечер, что я устроил? Вероника!

Ну что ты начинаешь? У нас всё хорошо!

А я с удивлением поняла, что его больше не интересуют ни мои эмоции, ни мои реакции на происходящее. Ему всё равно, что случилось у меня на работе. И ему абсолютно плевать, что говорили на родительском собрании.

Пусть я и сама не очень понимала, зачем нужно было именно сегодня собирать это собрание, но... То, что Владислав о нём совсем забыл, было ужасно обидно.

И апофеозом абсурда нашего романтического вечера стал отказ мужа от близости.

Именно так я восприняла его короткий поцелуй мне в висок перед сном с пожеланием спокойной ночи и с признанием моей усталости.

Что происходит, чёрт подери?

Четвертая глава

В следующую неделю поняла несколько моментов в наших отношениях.

И выводы из всего происходящего могу сделать только неутешительные: наша семья разрушается на глазах, и я не знаю, как достучаться до мужа. Потому что разрушение идёт с его стороны. Он рушит всё, что с таким трудом создавалось десять наших лет.

В последнее время я оказалась в информационном вакууме по отношению к происходящему с собственным мужем.

Он больше не рассказывает, что случилось у него на работе. Не делится своими мыслями. Не выражает при мне эмоций.

Он замкнулся в себе. От нас.

Ведёт себя дома так, будто находится в окружении чужих людей. Во враждебном месте. Будто мы только и делаем, что обижаем его и не понимаем.

Это очень обидно и несправедливо.

На мои расспросы о его работе муж чаще всего уходит от ответа. А если я начинаю настаивать, то переходит на крик и абсурдные обвинения.

– Ты следишь за мной? Ты хочешь сдать мой бизнес конкурентам?

Или просто хамит, упрекая в некомпетентности. При том, что его работа напрямую связана с фармацевтикой. А всякий раз уходить в скандал, не давая себя унижать – это несколько дней его обид и угрюмого молчания. Пропасть между нами только усугубляется.

Но выдерживаю я не всегда, и чаще всего поддаюсь на его провокации скандалов. Такой уж у меня характер. Я плохо переношу обиды.

Атмосфера в доме становится всё более напряжённой. И я не представляю, что могу сделать, чтобы остановить распад. У меня чувство, будто я попала под горный поток. Сель. Чем дальше, тем больше разрушений и нет никакой возможности устоять.

Хоть кричи от бессилия.

Нет больше разговоров про ремонт. А ведь мы собирались отремонтировать новую квартиру – трёшку на Новокузнецкой улице, а затем, переехав в неё, уже задуматься о переделке этой, которую тоже давно пора обновить.

За десять лет, что мы живём здесь, на Мосфильмовской улице, один раз сделали косметический ремонт, перед рождением Данила, и теперь неизбежно, то там, то тут необходимо чинить что-либо. А лучше, как и планировали, сделать всё по новой.

А сейчас на эту тему напряжённая тишина.

– Ты говорил, что бригада ремонтников приступит к работе до Нового года. Что изменилось? – спросила я как-то

вечером после работы.

– Не сейчас. В этом году мне некогда этим заниматься. – ответил Владислав.

– Я могла бы контролировать процесс. – предложила ему, пожав плечами.

– Что ты можешь понимать в этом? Нет уж, я сам! Но не сейчас, – вспылил он.

– Я участвовала в строительстве дома с родителями наравне. В отличие от тебя я представляю процесс и в состоянии отследить его правильность. Думаю, что о строительстве и ремонте я знаю немало и разбираюсь в этом не хуже тебя! – ответила я ему, усмехнувшись в лицо.

– Сравнила! – взъярился он, готовясь весь вечер бухтеть, что я ни в чём не разбираюсь.

– Сравнила. Ты строил сам что-нибудь? Своими руками? Или только читал об этом? – парировала я, уже понимая, что обида на несколько дней неизбежна.

Так пусть хоть обидится не просто так! Дам ему повод!

У меня не получается терпеть и молчать. Я срываюсь и зеркалю его настроение. И это так обидно, так больно, что хочется сделать больно в ответ.

И так практически каждый разговор.

Мне все труднее сдерживаться.

Кстати, отпуск свой он тоже перестал со мной обсуждать.

И планы на совместный отдых мы больше не строим. И я не заикаюсь об этих планах.

Владислав стал уклоняться от бытовых забот. Сам, по собственной инициативе он в квартире теперь ничего не делает, хотя раньше с удовольствием участвовал в семейных заботах.

При этом с преувеличенным вниманием относится к моим просьбам.

Только просить нужно определённым тоном.

И тогда он выполняет всё в точности. Ни на миллиметр не отклоняясь от просьбы.

Это... по крайней мере, странно. Словно общаешься с наёмным рабочим и чужим человеком.

Ещё он стал закрываться в ванной на щеколду.

Я утром хотела, как обычно это было раньше, влететь за тоником, пока муж в душе и напоролась на закрытую дверь и отповедь:

– Неужели нельзя пять минут подождать!

Он стал прятаться, когда разговаривает по телефону. Говорит, что по работе и уходит в другую комнату, закрыв за собой дверь. Или на балкон, несмотря на холод позднего ноября.

Но что меня больше всего злит в сложившейся ситуации, так это то, что Владислав избегает общения с нашим сыном.

Совсем.

Как отрезало.

До пресловутой командировки в Новый Уренгой они часто проводили вместе вечера, разговаривая или разбирая

очередную шахматную партию. Они вместе могли пойти в спортзал, чтобы поиграть в мяч или теннис.

Мужу доставляло удовольствие общение с Данилкой.

Где теперь всё это, и как мне объяснить ребёнку, что папа больше не хочет с ним проводить время?

Как сделать так, чтобы моему малышу не было больно? Чтобы он не чувствовал себя брошенным?

Я не дура, я понимаю, что в нашу семью с ногами влезла Ирина Андреевна. Бывшая пассия. И, возможно, муж уже изменяет мне.

Я не могу больше терпеть эту неопределенность, и мне нужно поговорить с Владиславом.

Хочется подойти и спросить его: «Что же ты делаешь, милый?»

И я поговорю с ним! Готов он к этому или нет, неважно. И будь что будет!

Пятая глава

Легко сказать – поговорю.

Муж выскальзывал из разговора, словно масляный.

За два дня, что я была выходной, так и не удалось его поймать. То он очень занят на работе и приходит после девяти настолько уставший, что, чуть прикоснувшись к ужину, падает спать. То у него внезапно проснулось желание заняться с сыном. И они весь вечер разбирают какую-то шахматную партию.

Утром перед работой устраивать скандал, а это однозначно будет скандал, на глазах у собирающегося в школу сына я не буду. И Владислав это точно знает.

Сегодня я решила перед возвращением домой прогуляться по улицам города. Потому что находиться в одном помещении с мужем становится всё сложнее. Я совсем не отдыхаю в те дни, когда не работаю. С таким постоянным пресингом можно дойти до невроза.

Может быть, попить успокоительного?

Но лучше, конечно, наконец-то расставить всё по своим местам и проговорить, что меня не устраивает в моём новом муже, изменившемся до неузнаваемости.

Он постоянно, всё время придирается по пустякам. Пользуется тем, что при ребёнке я не буду отвечать, и начинает

зудеть. Всё ему плохо.

Не так готовлю – пережаренное, и ему невкусно.

На следующий день – всё слишком пресное, никаких специй и он ещё не старик, чтобы есть парные котлеты.

И так постоянно. Изо дня в день.

То, что декабрь вступил в свои права, было заметно только, пожалуй, по обилию гирлянд и украшений в городе. Погода стояла вполне себе октябрьско-ноябрьская. Слякотно. Дождь со снегом и тучи на головах прохожих.

Низкое позднеосеннее небо чиркало набухшими влагой тучами по шпилям высоток, вспарывая их и наказывая дерзких людей, что понастроили всякого, холодным дождём.

Разноцветный фейерверк искусственных огоньков отгонял угрюмых исполинов, заслоняя их от беспечных прохожих.

Было сложно на душе.

Маятно.

Вот бы закрыть глаза и притворится, что ничего этого нет. Что Владислав по-прежнему любит меня, и что муж ждёт меня сейчас домой, чтобы помочь раздеться и подать тёплые носочки на усталые ноги.

Сегодня у меня был второй рабочий день. Значит, завтра выходной и можно себе позволить лечь позднее. Я решила сегодняшний вечер посвятить себе красивой. После работы, не обращая внимания на уже привычное брюзжание Владислава, поцеловав перед сном сына и пообещав ему на завтра

весь свой субботний день, я устроилась в ванной. С пеной. С масочками на лицо и на волосы. С массажем и кремами на свои уставшие ножки.

У меня длинные тёмные и чуть вьющиеся волосы. Густые. Прямо шевелюра. Предмет зависти девчонок-сослуживиц на работе. Раньше моему мужу безумно нравились моя грива. Он мог перебирать её часами, любил запустить в неё свои пальцы и массировать голову мягкими, ласкающими движениями.

Как давно это было. Я уже и забыла, когда такое случилось в последний раз.

Точно перед командировкой.

Но устраивать разборки сейчас мне не хотелось.

Я выползла из ванной распаренная и разомлевшая. И застала своего мужа, разговаривавшего по телефону на балконе в одной рубашке.

Простынет же!

Абсолютно на автомате, так, как сделала бы это всегда в нашей с ним жизни, я, захватив куртку, открыла балкон и протянула ему на вытянутой руке.

Владислав ожёг меня яростным взглядом, выхватил одежду и с силой захлопнул дверь.

Псих.

Я сняла с волос полотенце и, устроившись в кресле с планшетом, стала неторопливо разбирать пряди, чтобы прочесать их влажными для лучшей укладки.

Владислав вскочил в комнату, пыхтя, словно паровоз, и швырнул мне куртку.

Она упала между нами кляксой, безжизненно раскинув пустые рукава.

– Я сам знаю, как мне удобнее выходить на балкон! – зашипел он.

– Прекрасно! Подними одежду и отнеси её на место. И извини за заботу! – усмехнулась я его истерике.

– Сама брала, сама и повесишь! – не унимался муж, – развела здесь парикмахерскую со своими волосами, невозможно пройти!

– Развела! Имею возможность. И мне есть чем похвастать в отличие от многих. Мне же не сорок лет, и можно не стричься пока, молодясь, чтобы не выглядеть как престарелая русалка с жиденьким хвостом. Мне всего тридцать с двумя крошечными хвостиками – я, дурачась, показала эти детские хвостики, захватывая пряди над ушами, и продолжила, – я могу себе позволить любую шевелюру, потому что могу и потому что это красиво!

И тряхнула головой, рассыпая волосы по спине и по креслу.

Владислав смотрел на меня, и его глаза наливались яростью.

– Ты! Ты!... Понятия не имеешь, о чём ты говоришь! Что ты понимаешь...

Оу! Я вспомнила внешность Ирины Андреевны. Эт я

удачно попала.

– Не хотела специально обидеть никого. Случайно получилось! – усмехнулась я, глядя в наливающееся кровью лицо мужа.

– Я не могу! Я пришёл с работы! Уставший! Я зарабатываю тебе деньги! И вместо того, чтобы отдохнуть дома, я... – начал заводится и орать муж.

– А я бездельничала весь день? Просидела в кресле, потвоему? И денег я в семью приношу тоже немало!

– Да ты!.. – начал уже орать...

– Не ори! Ребёнка разбудишь! Отец! Прекрати истерику! – перебила я его.

– Дура! – прошипел, сбавляя тон Владислав и, подхватив куртку, потопал в коридор.

– Не жди! – он хлопнул входной дверью и ушёл на ночь глядя.

Угадай, Виктория, куда...

Ну и чего я добилась? Победила?

Кажется, и вправду дура.

Шестая глава

Небо над городом никогда не бывает звёздным по ночам. Если нет туч, то от яркого освещения в вышине над домами и парками висит розоватая вуаль. Будто заботливая хозяйская рука закрывает звёзды от неспящего города.

А если небо затянуто облаками, то свет фонарей и миллионов машин отражается от поверхности этих облаков и, преломляясь отчего-то в красный спектр, окрашивает парки и улицы с домами розовым. Особенно это заметно зимой на снегу.

Сидела на кухне и смотрела в окно. С тех самых пор, как муж убежал от меня, словно от чумной.

Вначале внимание сосредоточилось на моём отражении в стекле. И мысли невольно сконцентрировались на себе.

Может, это я что-то упустила и не заметила? Не заметила, как перестала быть интересной для мужа. Как замылилась бытом острота отношений.

Но мне казалось, что именно стабильность и спокойную теплоту наших отношений и ценил Владислав. Что ему дорог был тихий семейный мир семьи. Что ему хорошо было с нами.

И я была уверена в нашей семье ещё недавно.
Ошибалась?

Отчего он всё ломает, а я чувствую себя виноватой?

Переживала и вспоминала нашу жизнь.

И как же обидно.

Так больно.

И так жаль.

До недавнего времени у нас всё было хорошо. Мы жили в атмосфере любви. Я точно знаю! Нельзя так играть! Весь этот ужас начался после командировки. Что-то произошло в жизни этой престарелой дряни, что она полезла к моему мужу, растравливая старые раны.

Если не включать верхний свет, то моё отражение в стекле не так затмевает пейзаж, и в гулкой ночной тишине квартиры накатывают воспоминания.

Как мы познакомились. Как он ухаживал за мной. Как звал замуж. Умолял. Упрашивал.

Почти до четырёх утра пробыла я на кухне. Пока не пришёл, не вернулся мой муж, шурша ключами в замке.

Ну, что...

Поговорим, милый...

– Что происходит? – спокойно спросила я, прислонясь плечом к стене коридора и глядя, как муж снимает с себя промокшую куртку.

– Ничего, – устало ответил он.

– С тех пор, как ты съездил в командировку, это «ничего» разрушает нашу жизнь словно торнадо, – я пожала плечами и прошла следом за ним, договаривая фразу, пока муж заходил

в спальню.

– Я не рушу. Я пытаюсь сохранить, – проговорил устало Владислав, доставая чистую и сухую одежду и явно собираясь в ванную.

– Сохранить что? Отношения со старой зазнобой? – спросила я, закрывая дверь в комнату и перегораживая её.

– Нет, я, наоборот, стараюсь сохранить семью, – устало проговорил Владислав, усаживаясь на нашу семейную кровать.

Я не для этого ждала всю ночь окончания его истерики, чтобы дать мужу и сейчас уйти от разговора.

– Я не слышала о её существовании все наши годы. Десять лет. Скажи, что изменилось в жизни Ирины Андреевны, что она опять лезет к тебе? – спросила я, прислонясь к закрытой двери.

– Она осталась одна. Развелась. Муж её бросил, и она потерялась. Она не справляется с ситуацией сама, – проговорил муж, опустив свою голову на руки, упёртые в разведённые колени.

– Поэтому ты решил её спасти, как настоящий рыцарь, и бросить ей в ноги свою семью для симметрии. Сделать несчастным своего сына, ну и меня за компанию. Ведь ничего не жаль ради счастья любимой? – мой голос звенел от обиды и горечи, но остановить свою ревность я не смогла.

– Он совсем на меня непохож! – вскинулся муж.

– Поэтому его можно на свалку выкинуть? И пусть тебе

престарелая любовь нового, правильного и похожего родит? Сделай тест, если тебе в уши влили сомнения, – ярость кипела во мне.

Он даже не скрывается! Не отрицает свою связь!

– Если вы так любите друг друга... – я захлебнулась словами.

Горло перехватило и сказанное встало комом, мешая дышать.

– Если ты так любишь её, то зачем ты женился на мне? Да фиг со мной... Я переживу... Зачем ты родил сына, если он тебе не нужен? Я не рвалась за тебя замуж. Это ты вот прямо на этом месте сам уговаривал меня дать тебе шанс. Ты просил меня выйти за тебя замуж. Это была твоя инициатива. Так зачем? – почти кричала я шёпотом, проталкивая царапающие, острые слова сквозь сухое горло.

– Я и сейчас прошу! Дай мне время, я всё улажу. – муж перетёк с кровати на колени рядом со мной, склонив свою голову.

Как это просто у него. Отработано.

– Не в моём характере терпеть измену. Я не буду жить запасной женой. И мотать нервы сыну не позволю, – мой голос дрожал от сдерживаемых слёз.

– Я не изменяю тебе! – муж поднял на меня возмущённый взгляд.

– Физически, возможно, и нет... Не уверена. Да это и не суть, если ты всё время думаешь о ней. Она здесь, рядом

с нами постоянно! Стоит между нами. Хлопает ресницами, будто престарелая кокотка. Так уходи к ней! К чему эти мучения? – слёзы плескались где-то рядом, и голос звенел от отчаяния.

– Потерпи, пожалуйста. Я тебя люблю. Я разберусь со всем! Дай нам шанс! – попросил муж и продолжил. – Скажи, может, мы разъедемся на короткое время, чтобы не мотать нервы друг другу?

– Мы не занимаемся с тобой любовью со времён командировки. Тебе неприятно прикасаться ко мне, я это вижу и чувствую. Тебе неинтересна наша с сыном жизнь, я же видела, с какой скукой ты разбирал вчера с ним партию. Тебе не нужны наши эмоции. Какой шанс тебе нужен? И зачем тебе мучить себя? – я отошла от двери к окну, не желая видеть его склонённую голову.

Я недостойна даже того, чтобы посмотреть мне в глаза?

– Я извёлся. И поверь, я тебе не изменял! – как мантру повторил Владислав.

– Я-то, допустим, потерплю, но ты вечно недоволен теперь. Всё тебе не так и плохо. Ты рушишь семью. Зачем ты убежал сейчас? К ней бегал? Вспомни, из-за чего ты психанул и побежал из дома, как подросток? – проговорила я устало.

– Если разведёмся, разве мы не можем остаться друзьями? Здравствуйте, приехали.

– Даже не надейся! Дружить семьями с предателями и

лживыми тварями я не смогу.

Седьмая глава

Утром я проснулась поздно, около десяти, потому как от семейных разговоров уснуть было невозможно, и чтобы сегодня не гробить весь день, я выпила снотворное. Вот и проспала свои шесть часов.

Сегодня редкий день. И суббота, и мой выходной. Сейчас дождусь Данилку со школы и можно с ним провести всю вторую половину дня.

Нужно только быстренько раскидать домашние заботы за пару часов – и свобода!

Мужа не было дома.

Убежал.

Честно говоря, я была этому рада. Продолжать вчерашний допрос с пристрастием у меня не было моральных сил, как и терпеть его регулярные нападки.

Нужно ещё сегодня на холодную голову покрутить наш вчерашний разговор.

Но по первому ощущению и навскидку, семье нашей пришёл конец. И я должна сделать всё, чтобы Данилка перенёс этот кошмар с наименьшими потерями.

Значит, нужно дождаться Нового года и каникул сына. Чтобы не скандалить при ребёнке, а наш развод будет однозначно громким.

Что там мне предлагает Владислав?

Потерпеть?

Ага.

«Потерпи, милая, авось само пройдёт».

Он сам понимает, о чём меня просит? Потерпеть что? Пока он наиграется в любовь?

На волне злости и от ярости я выдраила всю квартиру до блеска буквально за два часа.

Оттёрла кафель ванной, фартук кухни, шкафы... В общем, приложила агрессию с пользой для хозяйства.

До возвращения сына со школы оставалось минут сорок, когда раздался телефонный звонок.

Я глянула на входящий и, вздохнув, принимая неизбежное, взяла трубку.

– Что у вас происходит? – спросила Ираида Александровна, моя свекровь. Женщина выдающаяся и незабываемая. Очень властная и бескомпромиссная. Женщина – воплощение порядка и контроля.

Жена генерала на пенсии, милого полноватого и уютного мужчины, любителя рыбалки и загородной жизни, отчима моего мужа и сослуживца его отца.

Большая удача, что свекровь живёт теперь не в Москве, а в своём доме недалеко от Пушкино на берегу водохранилища, и что терпеть не может ездить в Москву.

– Вы о чём? – спросила я, присаживаясь за стол на кухне.

– Почему твой сын так неуважительно разговаривает со

мною по телефону? – возмущённо пророкотала свекровь.

– Не понимаю, о чём это вы. – удивилась я.

У нас воспитанный и культурный мальчик. Что нужно было делать, чтобы от него услышать хамский ответ?

– Я позвонила, чтобы узнать, как у него дела, а он сбросил вызов и не перезвонил. Наоборот, выключил аппарат. Это недопустимо! Ты неправильно воспитываешь своего сына! Нужно быть более требовательной! Нельзя спускать такое! И нельзя отпускать контроль!

– Возможно. Но я бы хотела, чтобы мой мальчик вырос с умением самому принимать решения. И, возможно, он был занят и поэтому не смог с вами говорить. У него конец четверти и подготовка к турниру. И ещё соревнования по плаванью, – отчитала я Ираиду Александровну, надеясь на её понимание.

Свекровь помолчала, хмыкнула и продолжила:

– Мне мать Ирины сообщила, что та работает у Владислава! Как ты это допустила? – возмущённо спросила свекровь.

– Так! Стоп! Она работает у мужа уже сто лет. Мне Владислав сказал, что это вы просили его о трудоустройстве, – ответила я.

– Я похожа на сумасшедшую? Разве я могла посоветовать такую глупость? – возмутилась Ираида Александровна.

– Знаете, до недавнего времени ваша Ирочка вела себя тихо. Все и знать забыли о её существовании. Но я так поняла, что нашу хорошую девочку недавно бросил муж. И Ири-

на Андреевна переключилась теперь на свою старую любовь. Так что нас ждут потрясения и, скорее всего, развод. Потому что терпеть неуважение и измены вашего мальчика я не буду, – отзеркалила я выпад свекрови.

– Какой развод? – опешила она.

– А что вы мне посоветуете? Потерпеть? Вот, например, сегодня, сейчас, я уверена, что Владислав уехал из семьи к вашей Ирочке помогать ей пережить предательство мужа. Представляете, какой юморист? – усмехнулась, вставая, чтобы увидеть в окно, как мой сын подходит к подъезду.

– А как же мой внук? – спросила расстроено Ираида Александровна.

– Муж сомневается в своём отцовстве, похоже. Дурдом какой-то. Ладно, Данилка возвращается со школы, а при нём я не хочу говорить о его отце. Давайте перенесём разговор на потом, – поспешила я закруглить беседу и положила трубку, услышав в конце:

– Приезжайте на Новый год!

Это навряд ли. На Новый год я отвезу на все каникулы Данилку к маме. Подальше от предстоящих разборок.

Дальше день закрутился вокруг сына. Мы поехали с ним в развлекательный центр, чтобы провести там день до позднего вечера.

Аттракционы с американскими горками и обязательными криками то ли восторга, то ли ужаса, карусели, и картинг. Я старалась веселиться вместе с Данилкой.

Из последних сил.

На картинге, видя, как в основном, если участвуют родители, то это делают отцы, мне было особенно горько.

Но это же не повод проигрывать! Поэтому наша с сыном команда – самая лучшая!

И пусть все подождут и захлебнутся своей обидой.

Плевать!

Мы будем счастливы с Данилкой!

Возвращались домой уставшие. Оба.

Наигрались и набесились. Накричались на месяц вперёд.

Мы поужинали в кафе, и я не собиралась готовить сегодня дома. Для кого? И зачем? Поэтому и ехала, не торопясь, любуясь предновогодним городом.

Повернула голову, чтобы посмотреть в лицо Данилке на перекрёстке, и поймала его мечтательный взгляд на ёлку.

Будет тебе и ёлка, не переживай!

Уже около дома раздался телефонный звонок. Кому это не терпится в субботний вечер?

Восьмая глава

Звонила моя университетская подруга Марина. Маринка.

Мы прожили с ней вместе в общежитии два года на первых курсах, а затем вместе снимали крошечную комнату в пятикомнатной квартире недалеко от здания медицинского университета на Плющихе. В доме, скорее всего, послевоенной постройки с разошедшимися деревянными перекрытиями и такими же щелястыми полами. С невозможными провалами под разошедшимся окном, которые мы регулярно пытались заделать каждую осень.

Мы вместе готовились к занятиям и писали одни на двоих шпаргалки. Сбегали вместе с пар и потом их героически отрабатывали тоже вдвоём.

И переживали наши юношеские любви тоже вместе.

Наша дружба выстояла после влюблённости в одного и того же парня, и мы смогли не переругаться из-за него. Впрочем, благодаря взаимной честности, распознав, что этот парниша крутит с нами обеими по очереди.

На полтора долгих года мы расставались с Маринкой, когда у неё и позднее у меня появилась «любовь всей жизни». Тогда подруга сошлась с нашим одноклассником и съехала от меня. В то же время и меня посетила роковая страсть.

Отчего первая влюблённость почти всегда наперекосяк?

Настигает нас, когда мы ещё не умеем отличать свои эмоции. Когда гормоны затмевают мозг.

Я чуть было не бросила университет ради своей первой и, как мне казалось, настоящей любви. Ведь талантливый музыкант требовал всё моё внимание и все мои силы. И все мои зарабатываемые на подработках деньги.

Не знаю, как бы сложилась судьба, если бы Маринка вновь не появилась в моей жизни.

Внезапно, как всегда решительно, она разогнала нахлебников, которых прикармливал мой музыкант, пока я горбатилась на работе вечерами после занятий. Вслед за друзьями испарился и виновник, не выдержав прямых и простых вопросов подруги:

– Ты альфонс?

И вновь мы вместе утешали друг друга от несчастной любви. Её парень, наш одноклассник, собирался жениться на другой.

Марина была свидетельницей ухаживаний Владислава. Она видела, как развивались наши отношения. Она знала обо всём, что происходило в моей жизни.

Она была свидетельницей на нашей свадьбе и стала крёстной моему сыну.

– Привет, подруга! Что ты затихла и не звонишь? – бодро поздоровалась подруга.

– Мечтаю встретиться. Мне нужна твоя поддержка, – призналась я.

– В любой момент! – вот за что её люблю, так это за мгновенную правильную реакцию.

– Завтра воскресенье, и я хочу провести день с сыном, а потом я два дня работаю. А вот в среду... – протянула задумчиво.

– В среду в обеденный перерыв в кафешке на Третьяковке! И не кисни, подруга! Прорвёмся! – бодро отрапортовала Маринка.

Данилка зевал уже, когда я парковалась у дома. Умотался. Сейчас быстренько в душ и спать!

Когда мы поднялись с сыном в квартиру, Владислав был дома и с явным неудовольствием грохотал на кухне кастрюлями.

Пообещав Данилке на завтра весь свой свободный день и полюбовавшись вспыхнувшими радостью глазами, пошла на звук.

– У нас что, в доме теперь нет еды? – возмущённо спросил муж.

– Я не готовила. Мы с Данилом пообедали в городе. – ответила я, наливая себе стакан минералки из охлаждённой в холодильнике бутылки

М-м-м-м... Наслаждение! Колючие солоноватые пузырьки чуть щиплют язык. Холодная вода смывает сухого ёжика в горле.

– А что я буду есть на ужин? – спросил меня муж.

– Потерпи, поужинаешь в другой раз, – не задумываясь,

автоматически выдала я ему ответ.

– Издеваешься? – изумился Владислав.

– Это ты издеваешься. Ты в субботний день убежал от семьи на весь день в известном направлении, не спрашивая моего мнения. Сам справился. А с таким простым делом, как ужин, не справляешься без меня? Закажи себе доставку еды откуда хочешь. Там будет всё по твоему вкусу. А то в последнее время я никак не угадаю, что тебе готовить, – усмехнулась и повернулась, выходя из комнаты.

– Вероника! Зачем ты всё усложняешь? – возмутился муж.

– Владислав, я устала. Провела весь день с ребёнком. Обслужи себя сам, – отзеркалила я. – И, кстати, постарайся не шуметь, – произнесла, оборачиваясь через плечо.

Пока я плескалась в душе и готовилась ко сну, муж, погремев кастрюлями, пожарил себе яичницу, уронил крышку от сковородки на пол и грохнул тарелкой с приборами в мойке. Не получив от меня ожидаемой реакции, пришёл в спальню, сопя.

– Зачем ты пожаловалась на меня маме? – спросил он зло, как только плотно закрыл дверь.

– Я не жаловалась. Просто честно ответила на её вопрос. А вот зачем ты мне врал, что это инициатива Ираиды Александровны с трудоустройством твоей подружки, так это твой косяк. Любая ложь рано или поздно, выползает наружу. Обычно в самый неподходящий момент. Так что, предьяв-

ляй претензии сам себе. – ответила я зевая.

– Зачем ты сказала маме, что у нас проблемы в семье? Мама теперь волнуется. И волнует всех вокруг, – муж сел со своей стороны кровати и устало потёр лицо, резко выдыхая.

– А я должна была, по-твоему, ей соврать? Проблемы от моего вранья бы рассосались сами собой? Ты меня изумляешь! – усмехнулась, отворачиваясь, чтобы не видеть его.

Владислав погасил светильник. Посидел некоторое время, вздыхая.

Сквозь неплотно задвинутые шторы отголоском чужого праздника моргал отсветом далёкой гирлянды свет. Жёлтый, розовый, синий...

Матрас прогнулся с его стороны кровати. Через несколько мгновений я почувствовала, как рука мужа легла мне на плечо.

И застыла. В нерешительности.

А я сделала вид, что уже уснула.

Скоропостижно...

Девятая глава

У меня был в жизни период, когда мне казалось, что никто из людей меня не понимает. Маринка уехала жить к своей большой любви, а кроме неё я близко ни с кем не сходилась. Так уж я устроена. Сложно мне с друзьями.

Иногда я с благодарностью думаю, что если бы Маришка не растормошила меня и не захватила в свои обаятельные сети, то я так и осталась без подруги.

И в тот момент, когда я осталась одна в своей комнате, мне было сложно общаться с людьми.

В этот период я познакомилась с удивительными людьми и совершеннейшими энтузиастами своего дела. С теми, кто помогает содержать и обслуживать лошадей в Битцевском комплексе.

Работа в конюшне по вечерам, сложная, физически тяжёлая, уход за большими и умными животными, живым, благодарным откликом на вложенные усилия, примирили меня с людьми в своё время.

Я поняла простую, в общем-то, мысль: давай людям то, что сама хочешь получить от них. Каким ты боком поворачиваешься к окружающим, такой ответ и получаешь от них.

Вероятно, отчаяние и боль предательства близкого мне человека всколыхнули во мне те далёкие ощущения.

И я повезла своего сына в конюшню.

Хотелось почувствовать нужность этому миру?

Возможно.

В Битцевском парке, что сильно напоминает настоящий лес, зима уже устоялась во всей своей красе, лёгким инеем заботливо покрывая каждую веточку, каждую иголочку на сосенках.

Тонкие и гибкие ветви берёз в хрустальных ледяных чехольчиках тонко и чуть слышно позвякивали вдоль тропинки.

Пахло свежестью и зимой, и пар от нашего дыхания превращался в иней на щеках, ресницах и волосах.

Я оставила машину на стоянке, чуть дальше от комплекса специально, чтобы иметь возможность пройтись по лесу. Мне не хватало общения с природой. Не хватало её честности.

Мы провели с Данилкой в конюшнях время до обеда. Сын проехался верхом почти самостоятельно. Конь был на корде, длинном поводке, что в руках у тренера, и пару кругов Данилка с восторгом и горящими глазами провёл на спине лошади. Затем много наблюдали за занятиями на манеже.

Особенно мнеглянулась аккуратная, словно куколка, девочка в костюме жокея на ухоженном жеребце. Такая сосредоточенная и серьёзная.

Картинка, да и только!

Запах опилок, конюшни, негромкие голоса, чёткие коман-

ды. Простой и понятный мир. И оттаявший, льнущий ко мне Данилка.

Домой вернулись поздно. Владислав, к счастью, уже спал...

Маришка подлетела к столику, за которым я ждала её в кафешке, будто ураган. Искрящаяся и праздничная. Когда она, глядя на меня своими всепонимающими глазами, спросила: «Как дела?», я не выдержала и разрыдалась в голос, пряча лицо в ладонях.

– Да, подруга, иногда лучше не задавать таких вопросов! – Маринка подождала, пока немного успокоюсь и, приобняв, проводила к умывальникам.

– Это точно. Рискуешь получить подробный отчёт, – я плеснула несколько раз себе в лицо ледяной водой и, наконец-то, смогла спокойно выдохнуть.

– Ну? – с нетерпением подалась вперёд Маринка, когда мы уже сидели, вооружившись каждая своей чашечкой с кофе.

– Найди мне хорошего, очень хорошего юриста по бракоразводным делам. И лучше не затягивать. Хочу подать на раздел и, скорее всего, на развод до праздников, – попросила я Маринку.

– Ничего себе ты зашла с козырей! – присвистнула подруга, – Влад чудит?

– Чудит – это не то слово. Полным ходом у него роман со своей бывшей, которая у него же в секретарях. Вот так, – я отвела взгляд в сторону окна, поймав себя на том, что мне

стыдно.

Не, ну ни фиги ж себе! Он гуляет, а мне стыдно! Фантастика! Как глубоко в нас засело патриархальное воспитание и представление, что если муж загулял, то прежде всего виновата жена, выползает из глубин моего подсознания, как мерзкая подколодная змеюка!

Я встряхнулась, вздохнула и перевела взгляд на Маринку.

– А ты знаешь, в последнее время твой Влад подбивал клинья к моему Валичке. Хотел совместный бизнес заму-тить. И Валичка интересовался у меня – кто такой и что собой представляет твой муж. Потом справки наводил. И не захотел с ним связываться. Резко сдал назад. Я переспрашивала позднее: «Почему?» А он только хмыкнул и глаза отвёл.

Вот скотина! Раскопал ведь всё, а мне не сказал! Партизан! – распалялась подруга. – И знаешь что? А пойдём-ка, навестим твоего благоверного. У него же офис здесь недалеко? – предложила Маринка и подхватила с места. – ну, что сидишь? Пойдём! Посмотрим, так сказать, на парочку в естественной среде!

– Только без битья посуды!

– Ну, это уж как получится! Не обещаю, но постараюсь! – весело отозвалась подруга, хватая меня за руку.

Как же мне не хватало сейчас Маринкиной лёгкости и уверенности!

Как меня придавила и унизила измена мужа!

Я настолько привыкла за последнее время к этому удуша-

ющему чувству вины и беды, что даже не замечала, как меня скрутило, как сильно задело его предательство.

Маринка тем временем, пока я разбиралась со своими страхами, дотащила нас до офиса моего мужа и просочилась внутрь.

Я стушевалась перед охранником, но подруга сказала уверенно и громко, что жена Владислава Леонидовича желает навестить своего супруга с подругой, взмахнула нашими паспортами и, не успела я очнуться, как была уже в приёмной мужа перед его раскрытой дверью.

Где-то сбоку что-то чирикала Ирина Андреевна, вытаскивая себя из-за стола. Ей путь преграждала Маринка, делая вид, что не замечает, создавая неудобство секретарше. Но их обеих Владиславу было не видно.

Он видел только меня. И его глаза наливались ненавистью и злостью. Верхняя губа приподнялась, чуть дрожа, обнажая кончики зубов.

– Ты! – прошипел он, вставая со своего кресла и тяжело нависая над столом, – проверяешь меня?

Десятая глава

Я застыла в дверном проёме, оглушённая его агрессией.

Владислав шагнул мне навстречу с таким видом, будто хотел ударить.

– Милочка, вы мне мешаете! Где ваше воспитание? – разнеслось громкое возмущение моей подруги по приёмной.

– Славик! Откуда у тебя столь невоспитанная секретарша? Представь! Она меня толкнула! Она на всех твоих посетителей кидается, или только жена возможного инвестора удостоилась такой чести? – выплыла подруга в проём двери и, обняв меня за плечи, чуть подтолкнула внутрь.

Муж, услышав голос подруги, словно налетел на стену. Растерянность мелькнула во взгляде, и он шагнул последний шаг нам навстречу, уже приветливо улыбаясь.

– Не ожидал! Какими судьбами? – чмокнул нас в щёки по очереди, предлагая присаживаться.

Маринка прошла к стоявшим у стены креслам, и расположилась там с удобством. Я села напротив. Так, чтобы видеть всех участников спектакля, раз уж мне подфартило попасть в партер.

– Славик, ты неважно выглядишь! Постарел! Подурнел! – протянула подруга, пристально разглядывая моего мужа.

– Не называй меня так. Я не люблю, когда сокращают моё

имя, – попросил Владислав.

– А мне нравится наблюдать, как ты злишься, но ничего мне не можешь сделать. Терпи, Славик! – усмехнулась ему в лицо Маринка.

Ирина Андреевна появилась в открытом проёме, чтобы закрыть дверь в приёмную, и я заметила, как мой муж дёрнулся, подавив с себе намерение ей помочь.

– Милочка, подайте нам кофе, пожалуйста! – обратилась к секретарше Маринка тоном избалованной стервы.

Подруга щебетала ни о чём, периодически намекая, что, она в курсе планов своего мужа и Владислав слушал её, дёргаясь всякий раз на «Славика».

Прошло, наверное, минут пятнадцать, когда двери кабинета открылись, и всплыла Ирина Андреевна с напитками.

Владислав подскочил со своего места и, буквально долевтев до секретарши, перенял у неё поднос. Сам донёс до стола. И сам подал нам кофе.

Маринка смотрела на это, приподняв правую бровь и ухмыляясь. А я отчётливо понимала: что бы ни говорил и ни думал себе мой муж, он уже на крючке у Ирины.

Плотно.

До самых печёнок.

Кстати, Ирина смотрела на меня. И в её взгляде было превосходство и... злость?

А злиться-то отчего? Неужели Владислав ещё сопротивляется ей?

Я перевела взгляд на мужа и успела заметить его быструю нежную улыбку, предназначенную не мне.

Чёрт.

Больно!

И обидно. Я вижу откровенную манипуляцию моим мужем и ничего не могу сделать.

Потому что он не видит никого, кроме неё.

Он любит её. Или любит свои воспоминания о любви. Уже не разберёшь.

Важно, что я только раздражаю и злю Владислава. Что бы я не говорила ему или не делала, всё, буквально каждый чих обернётся против меня. Я мешаю их счастью. Я лишняя. И наш сын тоже лишний. Мой сын.

Мой мальчик, который стал не нужен. Который теперь мешает своему отцу.

И этого я Владиславу никогда не прощу!

– Славик! А отчего твоя секретарша не знает, какой кофе нужно подавать твоей жене? – вовремя Маринка влезла со своей репликой, возвращая меня в реальность.

Я больше не желала участвовать в этом спектакле и отодвинув от себя чашку, встала из-за стола.

– Нам пора, Марин. Всё, что хотела, я уже увидела, – сказала по возможности ровным тоном, не глядя на мужа.

Маринка хмыкнула, тоже встала, и мы направились одеваться в приёмную.

– Так что решил твой муж? – Владислав подавал мне

одежду, спрашивая при этом мою подругу.

– Скажи, Славик, а когда к тебе приходили ребята от моего Валички говорить о делах, ты им тоже вместо секретарши, словно официант, подавал напитки? – ответила ему Маринка и покровительственным жестом похлопала его по плечу.

Я не помню, как мы выходили на улицу, как дошли до Климентьевского переулка. Меня трясло от ярости. Я думала, что документы на развод нужно подавать срочно.

Какая же дрянь эта «хорошая девочка»! И какой щеночек на поводочке мой муж.

– Подруга! Я ищу тебе адвоката. Не паникуй! И не ки-
сни! – ухватила я последнюю фразу Маринки.

– Извини, я тебя не слушала. – повинилась и посмотрела ей в глаза. – Видела, какой чушок? Ведётся на неё так, что больно смотреть.

– Да на тебе лица нет! – воскликнула подруга. – я тебя отвлекаю уже минут пятнадцать, а ты будто замкнулась в своей скорлупе!

– Не хочу начинать развод при ребёнке. Вот отвезу Данилку к маме на каникулы и тогда развернусь во всю ширь. А сейчас никак нельзя допустить скандалов при сыне. Понимаешь меня? – спросила подругу.

– В тебе слишком много порядочности для нашего мира. За это я тебя люблю и ценю. – Маринка остановилась посредине дороги и, повернувшись ко мне, крепко обняла. – Ты не одна! Я не дам тебя в обиду!

– Я сама себя не дам в обиду, не переживай. Просто это очень больно, когда рушится построенная за десять лет семья, – тяжело вздохнула я.

– Ты мне вот что скажи, отчего ты до сих пор работаешь простым провизором? – спросила Маринка.

– После декретного отпуска так повелось. И мне было удобно два дня проводить с сыном. Да я и не хочу идти в заведующие. Честно сказать, работа волнует меня сейчас в последнюю очередь, – ответила, принохиваясь.

Пахло шоколадом и немного жжённым сахаром. Мы с Подругой топали уже около шоколадной фабрики. Где-то рядом есть Рот Фронтовский специализированный магазин. Хочу сладостей!

Маринка, видя, как я оживлённо закрутила головой, засмеялась и, чуть толкнув меня в бок, сказала:

– Я помню, как ты любишь шоколад!

Мы ещё часа полтора, отвлекаясь от увиденной в офисе картины, закусывали неприятности конфетками и гуляли по Замоскворечью. С его сетью переулочков между бывшими купеческими кварталами это было несложно. Рассматривали многочисленные церкви. От классических колонн портика Иверской до словно сошедшего из древнерусских времён узорчатого каменного крыльца и низкой двери входа храма Николы в Пыжах, чтобы невольно кланялись при входе.

– И давай-ка к нам переходи работать. Игнатьев будет счастлив тебя видеть в своей команде. Он спрашивал меня о

тебе. Сожалел, что ты не продолжила работать с ним, – Уже расставаясь увещевала меня подруга.

– Обещаю подумать!

А вечером меня ждал дома сюрприз.

Одиннадцатая глава

Владислав был дома. И вёл себя так, словно ничего и не было, словно всё у нас в семье как прежде, как раньше. Может, только чуть более экспрессивно и эмоционально, чем нужно. Они с Данилкой разворачивали в комнате новую железную дорогу с дистанционным управлением.

Что-то очень сложное и технологичное.

Данилка был очень оживлён, радовался отцовскому вниманию и с интересом занимался конструктором. Муж ползал на коленях по полу наравне с сыном. Они сооружали какой-то тоннель для прохода поезда, и рассуждали, пройдёт ли сигнал управления на двигатель паровозика сквозь материал тоннеля.

Я стояла в дверях Данилкиной комнаты и наблюдала с горечью за этой сценой. Почему-то мне в каждой фразе Владислава слышался иной подтекст.

Потеря доверия в семье подобна ржавчине или плесени. Если уж попала она на фундамент здания, то незаметно меняет всю структуру материала.

Так и мне.

Вроде бы нужно радоваться вниманию отца к ребёнку, а мне почему-то хочется чуть ли не с кулаками на него кинуться. Или вцепиться в его растрёпанную шевелюру.

Что же ты почти два месяца нам мозги полоскал, с каменным лицом вокруг нас ходил, словно чужой?

Сына от себя отталкивал.

А теперь мне больно смотреть, как Данил тянется к мужу. И обидно невозможно как.

Тем временем Владислав заметил меня и расцвёл улыбкой.

А я вздрогнула. Что это он?

– Милая, ты дома? Присоединяйся к нашему строительству! – пригласил, взмахнув рукой.

– Я... – хотела придумать повод отказаться, но глянула на Данилку, в его сияющие глаза и согласилась, – только переоденусь и вернусь. Я быстро!

Как бы я ни относилась к мужу сейчас, портить вечер ребёнку не имела права.

Переодевшись, присоединилась к строительству. Как девочке, мне доверили собирать кустики и деревья. И придумывать как можно украсить или оживить пейзаж.

Вечер закрутился, протекая временем сквозь пальцы. Это было странно.

Мы оба с мужем делали вид, что ничего не происходит, словно то, что мы сидим как можно дальше друг от друга – это случайное совпадение, а то, что мы стараемся разговаривать только с Данилкой, это тоже вполне нормальное поведение.

После, уже перед сном, Владислав подошёл ко мне в

спальне, когда я сидела на кровати и устроившись рядом, протянул мне бирюзовую коробочку с серёжками. С серьжками...

– Прости меня! Я всё осознал! – сказал он, проникновенно глядя мне в глаза.

– Опять? – не сдержалась я.

– Вероника! Я понял, как был неправ по отношению к тебе и к сыну! Я увидел сегодня себя будто со стороны, и решил немедленно, пока не поздно, попытаться исправить свои ошибки!

Я убрал Ирину, больше её не будет в нашей жизни. Давай попытаемся, попробуем восстановить нашу семью. Ведь нам есть, что терять! – муж всё говорил и говорил, будто по писаному, а я чувствовала себя в театре абсурда.

– Ты уволил Ирину Андреевну? – переспросила я.

– Я перевёл её в другой отдел. – ответил он.

Не понимаю, что происходит? Слишком много «Я» для меня одной.

Владислав привлёк меня к себе и запустил руки мне в волосы. Затем прижал крепче и опустил спиной на кровать, прижимая своим тяжёлым телом к постели.

Мне стало сложно дышать. То ли от тяжести его тела, то ли от его запаха, от понимания происходящего.

Он склонился поцеловать меня и замер на минутку, разглядывая мои глаза.

Что уж он в них увидел, не знаю, но это на его решимость

не повлияло.

И муж прикоснулся губами к моим губам.

– Нет! Пусти! – я резко отвернула голову в сторону и упёрлась руками ему в грудь.

Не хочу! Противно. Не верю! Обман! Мерзко!

– Почему? – Спросил муж.

– Не хочу! – посмотрела я ему в глаза.

– Что же с тобой так сложно-то? Я ведь стараюсь! Постарайся и ты, пойди мне навстречу! – недовольно пробурчал Владислав, откатываясь с меня.

А я испытала такое облегчение, что у меня даже закружилась голова.

– Мы с тобой идём на корпоратив через три дня. Там будут приглашённые гости, возможно, партнёры. Я бы хотел, чтобы ты блистала и выглядела на все сто, – сообщил мне мой муж.

– Поняла, – сказала я, отворачиваясь от него и закутываясь в своё одеяло.

Почему-то стало ужасно обидно. Больно. Горечь собралась в горле едким комом.

Закрыла глаза и сделала вид, что засыпаю. Слушала, как Владислав шуршал по комнате, как вздыхал и переставлял что-то на тумбочке. Ощущала, как просел матрас под его весом. Как он лёг на своей стороне кровати.

Слёзы тихо стекали из-под закрытых век на подушку.

Я знала, что мой муж тоже не спит, но никто из нас не

посмел повернуться друг к другу...

А утром позвонила Ираида Александровна. Она, оказывается, вчера днём приехала в Москву, и мой муж её внезапно встречал.

Я хмыкнула, так вот откуда дует ветер перемен в его вчерашнем поведении.

– Вероничка! Я хочу с тобой встретиться! Пожалуйста, привези ко мне внука. Я соскучилась! – лила мёдом моя свекровь.

Знакомые «Я» пожаловали...

– Завтра? – спросила я.

– Сегодня! Сейчас! – экспрессивно ответила Ираида Александровна.

– Сейчас Данилка в школе. А после школы у него сегодня бассейн. А вот после, к вечеру, завезу его к вам, тем более что завтра занятий не будет.

– Жду с нетерпением! С подарками! Вас обоих! – сказала свекровь и положила трубку.

Чёрт! Ещё нужно озаботиться подарками для неё и её мужа!

Двенадцатая глава

Поход в салон и приведение себя к лоску я решила совместить со свиданием с Маринкой. Она нашла мне юриста по семейным делам и очень его хвалила. Но отчего-то, проказливо хихикала, когда рекомендовала этого юриста. Говорила, что его кредо – заставить бывшего пожалеть. Посмотрим. Звучит ободряюще.

Мне рядом с подругой становится немного легче.

Будто та плита, крыша моего семейного дома, безнадёжной тяжестью придавившая меня в последнее время к земле, растворяется в Маринкином жизнелюбии.

Я поймала себя на том, что считаю дни до самолёта, билеты на который, кстати, было купить не так просто. Мне, я так поняла, случайно повезло нарваться на отказ по брони именно на то число, что я планировала. И теперь я с нетерпением жду, когда поеду к маме.

Ираида Александровна, к слову, была мягче булочки и слаще мёда. Так старательно меня нахваливала, что даже неловко. Никогда за десять лет нашего с ней знакомства я ещё не была такой «нашей девочкой», как в эту встречу.

Свекровь хвалила и Данилку тоже. Он самый умный и самый красивый, и самый любимый её внук. Ну... Поскольку иных внуков рядом не наблюдается, то конечно, мой Данил-

ка самый-самый.

– Я так счастлива была, когда мой сын женился на тебе. Это было нашим спасением. Я верила, что он переболел этой профурсеткой и всё позади. Больше всего я боюсь повторения прошлого кошмара. И умоляю тебя, подумай, не руби сплеча! – сказала мне Ираида Александровна перед расставанием.

– Я думаю, что уже поздно что-либо думать. Он любит её. Он ради неё готов на многое. Бросить к её ногам наше благополучие единым движением, лишь бы ей было хорошо. Что там рубить, если всё уже отвалилось? – с горечью произнесла я и добавила. – Я не буду стоять между ними. И я не буду запасной и удобной женой. Я себя ценю и не позволю так унижить.

– Владислав обещал мне, что порвёт с Ириной! Клялся, что любит только тебя! – воскликнула Ираида Александровна.

– Вы видели их вместе? Очень поучительное зрелище. Все иллюзии смывает в момент, – я тяжело, рвано вдохнула, пряча слёзы. – Единственное, что я не понимаю, так это – зачем? Зачем меня втянули в эти больные отношения? Если они любят друг друга, то почему сделали несчастными вокруг себя столько людей? За что? За что перекособочили мою жизнь? Мужа Ирины обидели, обрекли на безотцовщину моего Данилку? Сами извелись и перевернули старость родителей? Что за вселенский эгоизм и безответственность? Я не пони-

маю! Как так можно? Это же не по-человечески!

Я всхлипнула, и Ираида Александровна, эта железная женщина, шагнув мне навстречу сжала мои плечи в своих объятиях.

– Как бы ни сложилось, не лишай нас с Данилкой общения, пожалуйста! – попросила она.

– Какой мне смысл лишать сына бабушки? У него их всего две. Если только ваше общение не во вред ему будет, – пожалала я плечами и, наконец–то, покинула квартиру свекрови...

К моменту, когда я вышла к Владиславу при полном параде, он успел немного занервничать. Но с уложенными волосами, которым в салоне слегка освежили цвет, сделав мой родной более глубоким и шоколадным, и в новом платье, весёлой вишнёвой шелковой волной обнимающим меня за талию, я чувствовала себя настолько уверенно, что восторг в глазах мужа восприняла как данность.

Именно так и положено смотреть ему на свою молодую жену!

Он накинул мне на плечи мех подаренного пальто, и немного сжал их, шепча в ухо комплименты. Чуть касаясь дыханием подаренных им же серёг.

В зале, куда мы вошли с мужем, уже было много людей. Но наше появление не прошло бесследно. Нас заметили.

И женщины, и мужчины.

Я знала, что выгляжу эффектно. Высокий каблук диктовал осанку и походку. Шёлк юбки вился и ластился вокруг

моих колен.

Муж подвёл меня к стоящим немного в стороне мужчинам и, представив, обратился к одному из них с вопросом. Явно продолжая ранее начатую беседу.

Поскольку в последнее время Владислав не делился со мной своими планами, я не имела ни малейшего представления, о чём они говорят, и чего хочет добиться мой муж.

Это было... неловко.

Перевела взгляд на гостей, которые то тут, то там собирались небольшими компаниями. С удивлением узнала некоторых знакомых. Вон в компании, чуть правее от импровизированной сцены салютует мне бокалом наш с Маришкой одноклассник. Рыжий и всегда жизнерадостный Костик, любимец компаний и девчонок.

Таким стал импозантным, что если бы не рыжие кудри, то и не признала бы.

Маринка обещала, что прибудет со своим Валичкой тоже.

А вот, кстати, и они.

Валичка, жгучий полноватый брюнет с чуть выпуклыми чёрными глазами и хрящеватым, породистым носом, уверенно вёл под руку красавицу-жену прямо ко мне.

И здоровался, показательно, только со мной. Даже не дёрнувшись в сторону Владислава.

Маришка прощбетала что-то на корпоративном языке и подхватила меня под руку, уводя от мужа.

Заиграла чуть громче музыка. К нам подошёл смутно зна-

комый мужчина и, поздоровавшись с Мариной, попросил, чтобы та представила его мне. Пара комплиментов и приглашение на танец.

Почему бы и нет?

Мужчина, Ярослав, вёл в танце уверенно. Был в меру экспрессивен и в меру сдержан. Прекрасно двигался, создавая у меня ощущение надёжности партнёра в движении. Точно ловил ритм и ненавязчиво задавал рисунок танца.

В общем, я получала почти забытое удовольствие. Когда доверяешь другому и в результате случается слаженное и уверенное действо на двоих.

Мне было хорошо.

Комплименты были чуть за гранью, но именно «чуть».

И чувствовала я себя именно вишней в шоколаде, немного с коньяком, как и шептал мне на ухо Ярослав.

Забыв о муже и о его пренебрежении мной.

До тех пор, пока не увидела недалеко от себя страстно танцующую пару. Каждое их совместное движение – продолжение движения другого. Они словно единое целое. И они неприлично близко друг к другу. Мой муж и Ирина Андреевна.

В точно таких же, как и у меня, серьгах.

Тринадцатая глава

Всё моё игривое настроение сползло с меня, словно талый снег с нагретой земли.

Моментально вспомнила, где я, с кем и в каком качестве, когда я увидела эту пару.

Остановилась и попросила своего партнёра проводить меня к выходу.

Он на секунду замялся, изумившись, и, естественно, предложил мне руку, но мы не успели сделать и десятка шагов, как меня поймала Маринка.

Ха!

Я собиралась по-тихому скрыться с места действия втайне от подруги? Угу...

– Видела, как она в него вцепилась? Как в последний шанс. – прошипела она, утягивая меня от Ярослава в сторону и вручая в руки бокал.

– Марин, он мне клялся, что порвал с ней, буквально на днях! Как она вообще сюда попала? – обида всё-таки прорвалась, как я её не давила.

– Может, чьей-то спутницей? – спросила подруга.

– Ещё скажи, эскортницей! – ответила я, и мы, переглянувшись, дружно прыснули смехом.

– О чём веселитесь? – Валичка не оставляет Маришку на-

долго и стоит уже рядом с нами тут как тут.

– Уговариваю вот Веронику пойти к Игнатьеву работать, – улыбнулась ему подруга.

– Оу! Это ты хорошо придумала! У нас как раз намечается новый проект. Целая программа. Соглашайся, не пожалеешь! – Валентин повернулся ко мне всем корпусом и энергично заговорил о намечающихся перспективах.

– После праздников, – пожала я плечами.

Почему бы и не попробовать что-то новое?

– Жду! Ты обещала. Помни! – Маринкин муж погрозил мне пальцем и добавил, салютуя бокалом и очаровательно улыбаясь. – Хотя такая очаровательная женщина имеет право быть забывчивой.

– О чём вы тут разговариваете? – подошёл к нам Владислав.

– Соблазняем твою жену, пока ты занят. – усмехнулся Маринкин муж и, отвернувшись, завёл разговор с проходившим мимо представительным мужчиной.

Маринка демонстративно посмотрела куда-то поверх головы Владислава, а ко мне вновь подошёл Ярослав с приглашением на очередной танец.

Почему бы и нет?

– С удовольствием! – улыбнулась и вложила свою ладошку в руку тепло улыбнувшегося мужчины.

Что-то знакомое было в его чертах. Будто знакомое...

Я чувствовала себя желанной рядом с этим Ярославом.

Мне нравились его аккуратные прикосновения, то, как уверенно он вёл меня в танце. И очень... уважительно и сдержанно при этом, явно соразмеряясь с моими желаниями.

Классно!

Я заметила, каким потемневшим взглядом смотрел на меня муж. Маринка что-то с улыбкой ему говорила, а у Владислава напряглись желваки на скулах, и улыбка стекла с лица.

Плевать! Это наш с ним последний выход в люди в качестве мужа и жены.

Пусть наслаждается!

Музыка закончилась, и Ярослав подвёл меня к Марине и к Владиславу. Поблагодарил за танец самую красивую женщину вечера и, присоединился в Валентину.

Я, кстати, обратила внимание, что моего мужа игнорят с лёгкой руки Маринкиного мужа.

Да и плевать!

– Мы уходим домой! – проговорил тихо и зло Владислав мне почти на ухо.

– Так рано? – удивилась я.

– Достаточно! – прошипел он.

– Что? Сбегаешь, Славик? А как же твоя секретарша? Бросишь её тут одну на растерзание? – усмехнулась моя подруга, прощаясь с нами.

В машине при шофёре мы молчали. Но напряжение между нами искрило, и воздух можно было резать ножом. Муж пыхтел всю дорогу, еле сдерживаясь.

Но стоило переступить порог квартиры, как Владислав не выдержал.

– Ты вела себя недопустимо! – прошипел он.

– Неприлично близко прижималась при танце к женатому начальнику на глазах его жены? – невинно спросила я, поднимая брови.

– Ты флиртовала с мужчинами! – Владислав в ярости отбросил ключи на полку.

– Это преступление? Флиртовать можно только после сорока? – усмехнулась я.

– Что ты к ней привязалась? Я не о ней сейчас, а о твоём поведении! – зашипел мне муж в лицо.

– А я о твоём поведении! Верх цинизма дарить одинаковые серьги и жене, и любовнице! – я вытащила украшения из ушей и положила перед мужем. – Как ты протащил свою ненаглядную на вечеринку для руководства? Кем она руководит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.